

РАССКАЗЫ О ПОДВИГАХ

ВИКТОР
АСТАФЬЕВ

ГУСИ
В ПОЛЫНЬЕ

РАССКАЗЫ О ПОДВИГАХ

О РАССКАЗЫ
ПОДВИГАХ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

ГУСИ В ПОЛЫНЬЕ

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 6 3

Для младшего школьного возраста

Художник Ю. Лихачёв

Ледостав на Енисее наступает постепенно. Сначала появляются зеркальные забереги, по краям хрупкие и неровные. В заливчиках и в заводях они широкие, на быстрине — узкие, трепещущие. Но после каждого морозного утра они становятся всё шире, а потом начинает плыть шуга. И тогда вся река шуршит печально, утихомиренно, засыпая до весны.

С каждым днём толще и шире забереги, уже полоса воды, гуще шуга. Она теснится, рыхлые льдины с хрустом лезут одна на другую. А потом окрепшая шуга спаивается, и однаж-

ды, чаще всего в студёную ночь, река встаёт.

Там, где река в последний раз сердито громоздила льдины, остаются тороса — острые ледяные клыки торчат всюду.

Но вот закружилась позёмка, потащило ветром снег по реке, и зазвенели тонкие льдинки, сдерживая порывы ветра; возле них, как у щитков, образовались сугробы. Только на быстрине, на самой стремнине, где тороса высоки и льдины крепки что сталь, всю зиму из снега торчат зеленоватые, сверкающие на солнце льдины.

Но как бы ни была крута осень, как бы густо ни шла шуга, она никогда не может разом усмирить Енисей. На нём то там, то тут остаются полыньи. Самая большая полынья — у Караульного быка.

Здесь всё бурлит, клокочет, шуга плывёт дальше, свирепое течение крушит хрупкий припай. Не мирится Караульный бык, не желает вмерзать в реку. Уже вся река замёрзла, а он стоит в полой воде. Уже идут по льду

первые отчаянные пешеходы, осторожно прощупывая палкой лёд перед собой; появилась одинокая подвода; затем длинный, медленный обоз, — а у быка всё ещё колыхается пар и чернеет вода.

От пара куржавеют каменные выступы быка, а кустики, трава и соsenки, прилепившиеся к нему, обрастают толстой бахромой, и среди тёмных, угрюмых скал Караульный бык, разрисованный пушистыми, до рези в глазах белыми узорами, кажется каким-то чудом.

Однажды после ледостава кто-то сообщил в деревню, что возле быка, в полынье, плавают гуси и не улетают. Гуси крупные, людей не боятся, должно быть, домашние.

И в самом деле, вечером, когда мы — ребяташки — катались на санках, с другой стороны реки слышались тревожные крики. Можно было подумать, что там кто-то долго, настойчиво и нестройно наигрывал на пионерском горне.

Гуси боялись наступающей ночи. Ведь полынья с каждым часом стано-

вилась всё меньше. Мороз исподволь, незаметно округлял её, припаивал к закрайкам плёночки льда, которые твердели и уже не ломались от вихревых струй. На следующий день мы целой оравой перешли на реку по свежей, еще чуть наметившейся тропинке и приблизились к быку. Один по одному взобрались на выступы обледенелого камня и сверху увидели гусей.

Полынья сделалась совсем маленькой. Там, где вода выбуривала тугим змеиным клубком и кипела так, словно её подогревали снизу громадным костром, ещё оставалось тёмное, яростное окно. И в этом окне металась по кругу ошалевшая, усталая и голодная стайка гусей. Чуть впереди плавала дородная гусыня и время от времени отчаянно вскрикивала. Иногда она подплывала к хрупкому припаю, врезалась в него грудью, пытаясь выбраться на лёд и вывести весь табун.

Мне и прежде приходилось видеть плывущих среди льдин гусей. Где-то в верховьях Енисея они жили себе,

жировали и делались настолько беспечными, что и ночевать оставались на реке. И эта беспечность приводила к тому, что ночью их подхватывало свежей шугой, выталкивало на течение и к утру они уже оказывались невостановившись где и в конце концов вмерзали в лёд или выползали на него и, конечно, гибли от мороза.

А эти всё ещё боролись. Их подбрасывало на волнах, размётывало в стороны, как белый пух, и тогда мать вскрикивала коротко и властно. И мы понимали это так: «Быть всем вместе! Держаться ближе ко мне! Не вешать голов!»

Внезапно одного гуся течением отделило от стайки, подхватило и понесло к краю полыньи. Он поворачивался навстречу струе грудью, пытаясь одолеть течение, но его тащило и тащило. А когда пригнало ко льду, он закричал отчаянно. Мать бросилась на крик, ударяя крыльями по воде, но молодого гуся притиснуло к краю льда, свалило на бок, и он беленьким комочком мелькнул под

припаем, как под стеклом, и исчез навсегда.

Гусыня кричала долго и с такой печалью, что у нас спины коробило.

И тут кто-то из ребят сказал:

— Пропадут гуси. Все пропадут. Спасти бы их.

— А как?

Мы задумались. Ребятишки-ребятишки, а понимали, что с Енисеем шутить нельзя и что к полынье подбраться невозможно. Обломится припай у полыньи, и мигнуть не успеешь, как очутишься подо льдом и закрутит, как того гуся, — ищи-свищи потом.

И вдруг разом, как это бывает у ребятишек, мы заспорили. Одни предлагали подбираться к полынье ползком, держа друг друга за ноги; другие говорили, что надо позвать охотников и пристрелить гусей, чтобы не мучились; третьи утверждали, что надо ещё день подождать и гуси сами тогда выйдут на лёд, выжмет их из полыньи морозом.

Так, споря, мы спустились с быка

и очутились на берегу возле домов известкарей.

Много лет мои односельчане занимались нехитрым и тяжёлым делом — выжигали извёстку из камня. Камень добывали из скал, возили на берег. Здесь же, на берегу, разделяли приплавленные плотами брёвна на длинные поленья-бадоги.

Возле одной поленницы, гулко ахая, бил по клину деревянной колотушкой Мишка Коршунов. Вообще-то он был, конечно, Михаил, вполне взрослый человек. Но так уж все его звали: Мишка и Мишка.

Однажды этот Мишка на спор перешёл во время весеннего ледохода Енисей и оттого считался в деревне отчаянной головушкой.

— Что за шум, а драки нету? — спросил нас Мишка, опуская деревянную колотушку. Его озорные чёрные глаза искрились смехом, на носу и на груди блестел пот, и весь он был в плёнках берёсты, и кучерявая цыганская голова его сделалась седой от этих плёнок.

Мы рассказали Мишке про гусей. Он радушным жестом указал нам на поленья, и, когда мы расселись и сосредоточенно замолкли, Мишка закурил, выпустил клуб дыма и сказал:

— Погибнут гуси, коли не помочь им выбраться.

Нам сразу стало как-то легче: Мишка выручит. Он такой.

Мишка и впрямь скомандовал нам следовать за ним, и мы побежали на угор, где строился барак.

— Всем взять по длинной доске! — отдал распоряжение Мишка. И мы возликовали.

Ну, конечно же, доски надо, как это мы не догадались сами?

И вот мы бросаем доски и, держа друг друга за ноги, ползём между торосов к припаю. Кое-где под козырьками льдин ещё остались оконца воды, но мы стараемся не глядеть туда.

Мишка сзади нас, ему нельзя на доску — он тяжёлый. Когда заканчивается доска, он просовывает нам другую, мы кладём её впереди и снова ползём, ползём.

— Стоп! — командует Мишка. — Теперь надо одному. Кто тут полегче? — он обмеривает всех нас взглядом, и его глаза останавливаются на мне. — Сымай шубёнку! — приказывает он, и я начинаю расстёгивать пуговицы. Хочется мне закричать, убежать, потому что уж очень страшно дальше ползти.

Но Мишка смотрит на меня, стоя на доске, и никак невозможно ему возражать.

Я ползу по доске. Она кажется мне горячей. Под доской трещит и прогибается лёд.

— Гусаньки, гусаньки, — шепчу я, глядя на сбившихся в кучу гусей, которые отплыли к противоположному краю полыньи и встревоженно, с недоумением погагакивают.

— Гусаньки, гусаньки, — я умоляю их, зову и не могу дальше ползти — страшно. А лёд с тонким перезвоном оседает под доской, и тёмненькие молнии со щёлком и дзиком мечутся по нему.

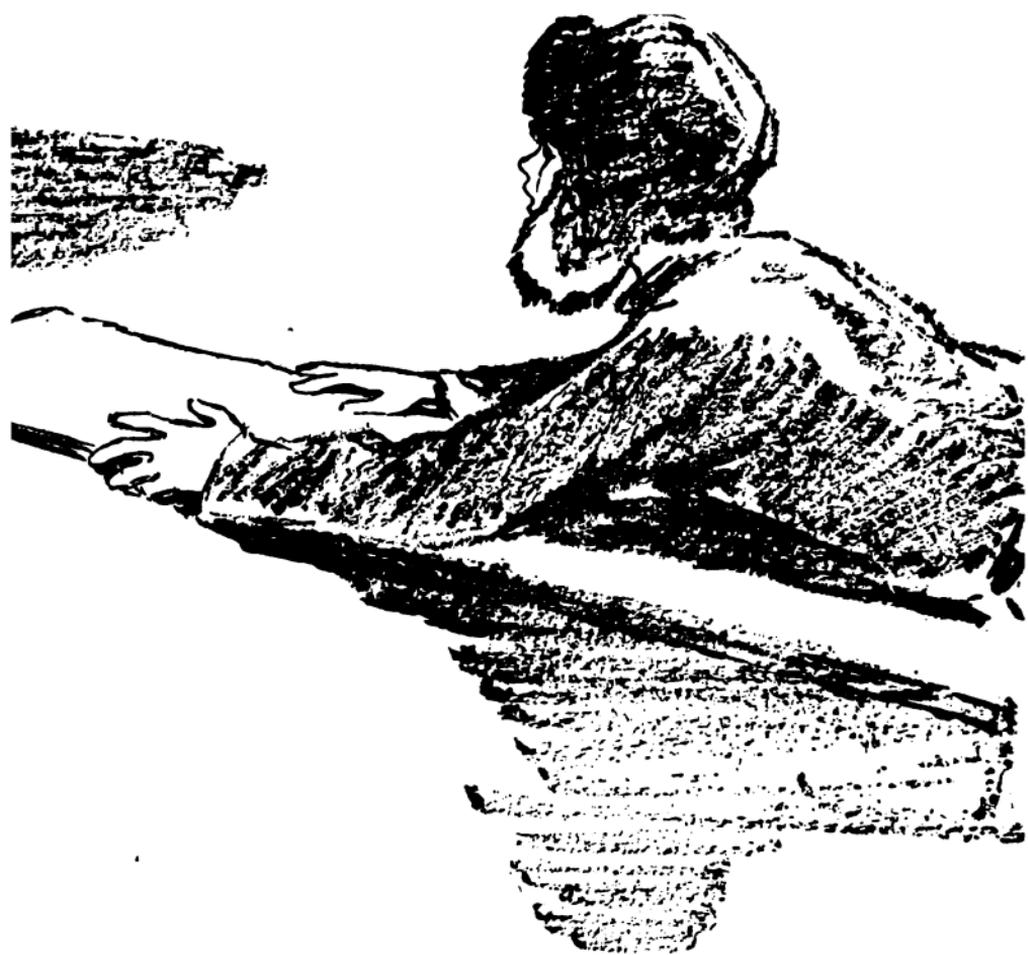
— Гусаньки, гусаньки, — плачу я и маню их пальцами, рукой, глаза-

ми. А они по-прежнему толпятся в противоположной стороне и, вытянув шеи, глядят на меня.

Вдруг я почувствовал, что возле моего бока что-то зашуршало, и я обернулся, подумал, что лёд вовсе обломился, и уцепился за доску.

— Держи, держи доску! — слышу я тугой, взволнованный шёпот Мишки и, не оборачиваясь, нащупываю доску. Она ползёт по гладкому льду легко, и я почему-то думаю, как, наверное, хорошо и до бесконечности долго полетели бы каменные плиточки по такому вот гладенькому, без единой морщинки, льду.

Доска доползла до воды, чуть прогнула ледок, раскрошила закраек. Я держу кончиками онемевших пальцев доску и опять зову, умоляю:

— Гусаньки, гусаньки, миленькие...

Мать-гусыня поглядела на меня и, недоверчиво гагакая, поплыла к доске. Всё семейство двинулось за ней. Возле доски мать развернулась, и я увидел, как быстро заработали её яркие, как огонь, лапы.

— Ну, вылезай, вылезай! — нетерпеливо закричали сзади меня ребята.

— Ша! Мелочь! — гаркнул Миша, и ребята покорно замолкли.

Гусыня, напуганная криками, отпрыгнула, а потом, успокоившись, повернулась грудью по течению, поплыла быстро-быстро и выскочила на доску. Чуть проковыляла до края, приподняла ярко-жёлтую лапку и приказала: «Делать так же!»

— Ах ты умница, ах ты умница! — шептал я.

Гуси так же стремительно выплывали на доску и ковыляли по ней, а я отползал назад, дальше от чёрной, жуткой полыньи и манил:

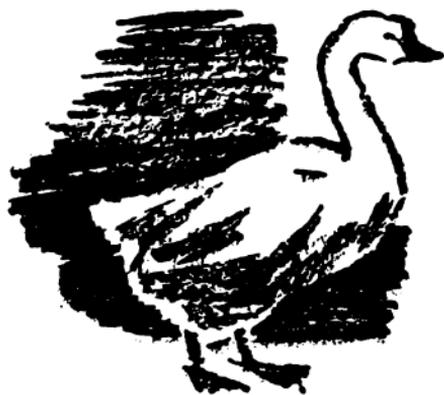
— Гусаньки, гусаньки!

А потом, уже на крепком льду схватил тяжёлую гусыню на руки и зарылся носом в её тугое, холодное перо.

Ребята подобрали остальных гусей, и мы помчались в деревню.

— Не забудьте покормить их! — кричал вслед нам Мишка. — Да в тепло их, в тепло, наморозились, сердечные...

С тех пор в нашей деревне появились гуси. И сейчас по улице важно ковыляют, а то плещутся с утра до ночи в Енисее правнуки и праправнуки той храброй и умной матери-гусыни, которую мы спасли от смерти.

Виктор Петрович Астафьев

ГУСИ В ПОЛЫНЬЕ

Рассказ

**Редактор Р. Белов. Художественный редактор
М. В. Тарасова. Технический редактор Г. М. Езов.
Корректор Н. Д. Аборкина.**

**Подписано к печати 31/VIII 1963 г.
Форм. 70×92^{1/32} 0,2 б. л., 0,1 печ. л., уч.-изд. 0,4 л.
Тираж 50 000 экз. Цена 1 коп.**

**2-я книжная типография облполиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 1243.**

1 коп.

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963